

Квинт Лора

Кн. обозрение. — 1993** — 31 Дек. (№52). — с.16.

— Для меня назвать лучшее издание года — сложный вопрос, — сказала композитор **ЛОРА КВИНТ**. — Я люблю в течение года перечитывать свои любимые книги. Всегда читаю одну и ту же книгу — Торнтона Уайлдера, которого безумно люблю!

— Какую именно книгу Уайлдера?

— Все его романы: «Мартовские иды», «Теофил Норт»... И еще я готова всю жизнь читать «Гойю» Фейхтвангера. Очень люблю аксеновский «Остров Крым». Если говорить не о книге года, а о книге последних пяти лет, то именно «Остров Крым» потряс меня больше всего.

— Если бы мы с вами говорили годков десять назад, нам бы пришили дельце о космополитизме: вы не назвали ни одного стабильного в совковом смысле российского писателя — то американец, то немец, то невесть кто — Аксенов...

— Совковость — понятие весьма растяжимое. Многие талантливые люди не виноваты в том, что занимали высокие посты в аппарате. Поверьте, я не считаю, что поэзия Владимира Кострова стала хуже оттого, что он был секретарем Союза писателей. Я его очень люблю. Нельзя винить тех, у кого судьба складывалась удачно, кто не писал на темы, за которые карали, кто просто писал о любви.

— У вас с Костровым был творческий союз?

— Наша дружба с ним продолжается — и союз не «был», а есть. С Костровым у меня связаны две самые яркие премьеры в моей жизни. Это песня «Здравствуй, мир, здравствуй, друг!» и опера «Джордано». У Владимира Андреевича много сил, он здоров, полон творческих идей. Думаю, мы еще сделаем что-нибудь такое!..

И еще: все люди делятся на два лагеря: одни наизусть знают «Трех мушкетеров», другие — «Золотого теленка» — притом, что все читали обе эти книги. Я принадлежу к лагерю «Трех мушкетеров». Когда я была маленькая, упорно не хотела читать. Я любила слушать устные пересказы книг. Ужас! Ребенок из интеллигентной семьи — и не хочет читать! Наконец, папа уговорил меня с большим трудом на «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо». Прочитала — и началось что-то невообразимое: я стала читать все подряд, а эти книги — по десять, пятнадцать, двадцать раз. Наконец, папа закричал: «Оставь в покое эту бульварную литературу!»... С тех пор прошло много лет. Но я продолжаю считать эти книги мудрыми. Будут писаться новые, но для меня останутся вечными книги о благородстве, о чести. Они, может быть, дают для воспитания характера больше, чем остросоциальные романы.

— Вообразите, что вам предоставилась бы возможность работать с любым поэтом-классиком. Кто бы им оказался?

— Сразу могу сказать, мой человек...

— ...Шекспир?

— ...и Пушкин. Замечательные авторы! И еще Бомарше! Мы бы с ним писали чудесные мюзиклы.

— Хотите перебежать дорогу Россини?

— А что вы думаете? Если бы мы с Россини жили в одно время, неизвестно — кто кого?

А если обратиться к новогодней теме, то год был для меня трудным. Я нашла новых друзей и испытала предательства. К предательствам я отношусь по-философски, а к приобретению новых друзей — с великой радостью, потому что считаю дружбу даром небес. Это первое. А второе... Вот я сейчас стою и слушаю свою музыку: идет концерт Клары Новиковой, он весь оформлен моей музыкой. Это тоже радость. И главное — со мной остались мои артисты — те, с кем я когда-то начала работать. И прибавились новые. Например, Сережа Крылов. Появились новые песни. Стал более популярным мой муж. Это тоже радует. Но самое важное — я побывала в городе, в который стремилась с детства, — во Флоренции. Мечта моей жизни исполнилась.

— Это как-нибудь отразится на творчестве?

— Это только в кино композитор сочиняет среди березок и все такое прочее... Я верю в переселение душ и убеждена, что я уже была во Флоренции. Тем более у меня итальянцы в роду! Мне казалось, что во Флоренции я — как дома. Впрочем, оперу «Джордано» я написала раньше, чем побывала во Флоренции и на площади Цветов в Риме... Наверное, если бы я побывала в Италии до написания оперы, я бы не написала ее лучше...